

МЕМОРИЗАЦИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СССР: «АГИТ-СУД» КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПАМЯТИ

Т. В. Раева

В статье рассматриваются особенности мемориальной политики большевиков в 1920-е гг., способы и приемы фильтрации памяти о Первой мировой войне в рамках такой уникальной формы коммеморации как агит-суд.

Ключевые слова: СССР, Первая мировая война, образы, мемориальная политика, коллективная память, мемориальные стратегии, агит-суд.

В 1920-х гг. Первая мировая война оставалась событием недавнего прошлого, непосредственными участниками которого были миллионы советских граждан. Однако от современности ее отделяли две революции, Гражданская война, утверждение новой власти, радикально трансформировавшие реальность и способствовавшие перетолковыванию истории. В новых условиях воспоминания о Первой мировой войне изменялись, упорядочивались, увязывались с другими образами памяти, приспособлялись к новому социальному контексту; при этом важнейшими факторами, оказывающими влияние на процесс меморизации войны оказывались традиционные российские коммеморативные практики и большевистская политика памяти.

В официальном дискурсе Первая мировая война присутствовала в рамках «метарассказа» о конце старого мира и начале новой коммунистической эры. Она рассматривалась как проявление естественной природы капитализма, катализатор классовых противоречий и пролог социалистической революции. В этой концепции мировая война служила легитимации власти большевиков и позволяла преодолеть в идее победы революции социальную травму проигранной войны [4, с. 6—7].

Память о мировой войне выстраивалась и поддерживалась в рамках праздничных кампаний, приуроченных к 1 августа. Кампании 1920-х гг., в отличие от более поздних празднований «международного антивоенного дня», характеризовались богатством выразительных форм, относительной интерпретационной свободой, большей живостью действ. Они позволяли транслировать «правильные» интерпретации воспоминаний, актуализировать субъективные переживания, допуская их взаимодействие с официальным дискурсом. Идеологические рамки мероприятий устанавливались специально издаваемыми к праздничным датам юбилейными сборниками и агитационно-пропагандистскими материалами.

К обязательным мероприятиям кампаний, посвященных событиям Первой мировой войны, методическая литература относила агит-суд, который представлялся как театрализованная форма, призванная «оживить обычный доклад» [2, с. 19]. В подготовке его сценария и постановке кружкам и клубам на местах предлагалось проявлять творческую инициативу и самодеятельность. Такой подход обусловил редкое появление на страницах агитационно-пропагандистских изданий готовых

сценариев агит-судов, которые позиционировались как «необязательный материал», при умении местных клубистов импровизировать, зная ту задачу, которую им предстоит выполнить [1, с. 81]. Это создает объективные сложности в историческом изучении этой своеобразной формы коммеморации.

Изучение единственного обнаруженного нами сценария «Политсуда над виновниками Империалистической войны», рекомендованного к постановке в ходе кампании 1924 г. [1, с. 81—125], показало, что он в формальных и содержательных аспектах воспроизводил суд над эсерами, состоявшийся в Москве в 1922 г. Последний выступал для агит-судебной репрезентации мировой войны как реальный образец «справедливого классового суда» и транслятор «правильных» интерпретаций прошлого.

В рамках агит-суда обыгрывалась традиционная процедура судебного заседания, в ходе которого участникам и зрителям предлагалось обратиться к событиям мировой войны и вынести им «справедливую» оценку. Суд становился в своем роде пространством псевдокоммуникации, где от имени обвиняемых и свидетелей были представлены конкурирующие воспоминания о войне и в процессе их «диалога» устанавливались некие согласованные версии прошлого. Художественные средства инсценировки, оказывая сильное эмоциональное воздействие на публику, закрепляли «политически верные» образы войны.

Агит-суд состоял из нескольких сцен: обвинительного заключения, допросов обвиняемых, показаний свидетелей, прений сторон, приговора. Завершить его предлагалось массовым чтением, пением Интернационала, маршем физкультурников или красноармейцев, демонстрирующими силу и мощь Советской страны, верность ее исторического пути.

Действующими лицами суда являлись реальные и хорошо знакомые зрителям персонажи: Николай Николаевич Романов, лорд Асквит, Вильгельм II, Р. Пуанкаре, Э. Вандервельде и вымышленные герои, которые представляли в качестве типичных образов с характерными, ассоциативно богатыми именами: английский капиталист Пинч-Бренди, германский офицер Лебервуст, немецкий рабочий Кнехт, русский инвалид Иван Бедняков и др.

Авторы сценария предлагали костюмировать действо, при этом «классовые враги»: обвиняемые, капиталисты, священник, германский офицер, должны были быть представлены в шаржированном

виде с соблюдением чувства меры, не позволяющем превратить агит-суд в балаган. Непременными атрибутами их внешнего облика являлись «чуждые» стуртуки, перчатки, цилиндры, эполеты, ордена и т.д. Остальные действующие лица выступали в обычных костюмах. Тенденции в изображении «своих» и «врагов»: героическая, митинговая для первых и буффонная, шутовская для вторых, к середине 1920-х гг. уже превратили изображаемых в довольно устойчивые и узнаваемые «маски» [3, с. 302—305]. Указанные приемы способствовали не только оживлению мероприятия, воссозданию исторической атмосферы, но и закреплению «правильного» символического ряда империалистической войны, дегуманизации настоящего и будущего врага.

С позиций классового подхода действующие лица были разделены на «своих» и «чужих». Последние, как «виновные» в развязывании войны, «тягчайшем преступлении перед трудящимися всего мира», в рамках театрализованного мероприятия привлекались к «суду» Международного рабочего трибунала на основании вымышленного Международного Пролетарского Уложения. Главной целью инсценировки, по утверждению авторов предлагаемого сценария, было установление вины капиталистов, осуждение строя, «который являлся и будет являться угрозой всеобщему миру» [1, с. 85]. Перетолкованный в этом смысле опыт мировой войны служил основной референцией при формировании нового образа врага, а также представленный о масштабах и формах будущей катастрофы.

Допросы обвиняемых, государственных и военных деятелей, иностранных капиталистов, офицера, английского рабочего тред-юниониста, священника в лубочном стиле рисовали их характеры: глупые, трусливые, циничные, корыстолюбивые, жестокие, презирающие народ. Сатирические вкрапления уничижительного содержания (о роли Распутина при дворе, заболевании сифилисом Вильгельма II), которые встречались только в их показаниях, обрабатывались к популярным слухам довоенного и военного времени. Они служили не только дискредитации образа «врага», выполняли рекреативную функцию, но и способствовали преодолению страха перед ним.

Показания и допросы «классовых врагов» и речь их «защитника», представителя II Интернационала, воспроизводили альтернативные официальным воспоминания о Первой мировой войне. Они представляли собой симбиоз дореволюционных толкований войны и идей западной социал-демократии. Центральными положениями этого мемориального нарратива являлись священность и справедливость целей войны, всеобщая заинтересованность наций в успешном военном разрешении геополитических задач, которые обусловили подъем национального духа в тылу и чудеса героизма на фронте. В этом «метарассказе» о Первой мировой национальные идеи уживались с представлениями о катастрофическом характере войны, ее тяжелых последствиях для народов, что приводило к актуализации пацифистских настроений; и только агрессивно-экспансионистская деятельность Коминтерна и большевистского правительства, являющаяся новой

угрозой миру, позиционировалась как причина послевоенного вооружения стран.

Официальная репрезентация Первой мировой войны последовательно опровергала положения конкурирующей интерпретации. В пространстве агит-суда она создавалась речами «обвинителя», «представителя Коминтерна», в которых воспроизводился большевистский «метарассказ» о Первой мировой войне, и показаниями «своих», репрезентирующими «личный» опыт. Особую роль в этом играли «хорошо срепетированные» реплики из зала, которые гневно отвергали «нападки врагов», одобряли и поддерживали «убедительные доказательства вины капиталистов». «Живое слово» публики позволяло акцентировать внимание на узловых моментах нарратива, обладало высокой степенью доверия и оказывало значительное влияние на формирование структуры коллективной памяти о войне.

Представленные «суду» «воспоминания» «австрийского солдата» и «русского инвалида» поддерживали характерный для официальной коммеморации демонизированный и деперсонифицированный образ Первой мировой [4, с. 20—23]. Однако они были относительно свободны от идеологических трактовок, выражали понятные и близкие многим зрителям переживания человека на войне: страх, горе по погибшим, злость и ненависть по отношению к виновникам страданий, разочарование, усталость, желание мира. На этом эмоциональном фоне естественным, не имеющим идейной подоплеки являлось благодарное отношение к большевикам, прекратившим войну, и делегирование им права «от имени всего народа наказать злодеев... воздать за все страдания и горе» [1, с. 114].

Формат агит-суда создавал возможности для обработки артикулированных «коллективных» воспоминаний о войне. Вопросы и фразы «прокурора», «председателя суда», сопровождавшие показания «рядовых участников войны», расставляли нужные акценты, давали соответствующее большевистскому «метарассказу» объяснение военных событий, убеждали в неотвратимости и справедливом характере большевистской революции. Первая мировая война выступала в них в качестве основной референции капитализма, существование которого немислимо без жестокой эксплуатации, противоречий, кровавой борьбы за прибыль, о чем красноречиво рассказывали «суду» «представитель колониальных народов» и «французский ученый-химик».

Противостояние мемориальных стратегий достигало своего пика в финальной сцене агит-суда. Речь «представителя Коминтерна», доказывающая виновность капиталистов, апеллировала к близким для коммеморации современников Первой мировой мотивам жертвы, обманом втянутой в войну, страданий, предательства, справедливого отмщения. Убедительность представленных им аргументов подтверждалась мощными по эмоциональному воздействию индоктринационными приемами инсценировки: отказом «защитника» продолжать участие в «судебном заседании» и одобрением публикой вынесенного расстрельного приговора, который объявлялся окончательным, неподлежащим обжалованию ни в каких буржуазных инстанциях [1,

с. 124—125]. Так происходило эффективное уничтожение «врагов», являющееся необходимым элементом их стигматизации [3, с. 310].

Таким образом, агит-суд являлся уникальной формой коммеморации Первой мировой войны. В ходе него осуществлялся процесс коммуницирования государства и общества с целью выработки образцов толкования причин, целей войны, ее жертв и последствий. Характерные для агит-суда мнемотехники: субъективизация интерпретаций военного опыта, диалог версий прошлого, включение в официальный дискурс неидеологизированных личных переживаний, использование выразительных приемов, позволяли, не диссонировав с индивидуальными воспоминаниями, инструментализировать опыт мировой войны в большевистской политике.

РАЕВА Татьяна Витальевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Южно-Уральский государственный университет. Научные интересы: культурная история, история России в XX в. E-mail: 7901634@gmail.com

Поступила в редакцию 04 августа 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2014, vol. 14, no. 3, pp. 11–13**

MEMORIZATSIYA OF THE FIRST WORLD WAR IN THE SOVIET UNION: «AGIT-COURT» AS A METHOD OF FORMING THE MEMORY

T. V. Raeva, South Ural State University, Cheliabinsk, Russian Federation,
7901634@gmail.com

The article discusses the features of the memorial of the Bolshevik policy in the 1920s., methods and techniques of filtering the memory of the First World War as part of a unique form of commemoration as agit-court.

Keywords: USSR, First World War, images, memorial policy, collective memory, memorial strategies, agit-court.

References

1. Zhemchuzhnyy V., Veprinsky R. Politsud the perpetrators of the imperialist war [Politsud nad vinovnikami Imperialisticheskoy voyny]. Pamyatka agitatora [Memo agitator], 1924, no. 5, pp. 81—125.
2. Imperialist war (the tenth anniversary). Materials for the workers, Red Army, school clubs / Comp. V. Reginin, V. Severnyy. [Imperialisticheskaya voyna (k desyatoy godovshchine). Materialy dlya rabochikh, krasnoarmeyskikh, shkol'nykh klubov]. Leningrad, 1924, 119 p.
3. Malysheva S.Y. Soviet festive culture in the province of: space, symbols, historical myths (1917-1927) [Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvoly, istoricheskie mify (1917—1927)]. Kazan, 2005, 400 p.
4. Nikonova O.Y., Raeva T.V. The First World War in the early Soviet era festive commemoration [Pervaya mirovaya voyna v prazdnichnoy kommemoratsii rannesovetskoy epokhi]. Problemy istorii rossiyskogo sotsiuma: trudy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley vuzov, uchenykh i spetsialistov [Problems of the History of Russian society: the works of Inter-University Scientific Conference university professors, scientists and specialists]. Chelyabinsk, 2011, pp. 4—23.

Received August 4, 2014